O.V.K — X.T.R

ИМЯ

НАРЕЧЕНИЕ, ВЛАСТЬ И МЕРА



НАРЕЧЕНИЕ, ПРОЗВИЩЕ, ПСЕВДОНИМ И ЗАПРЕТ

O.V.K — X.T.R

ИМЯ

НАРЕЧЕНИЕ, ВЛАСТЬ И МЕРА

Изложение о наречении и прозвищах,
о запретах произносить и о тайных именах,
о псевдониме, об утрате имени и о возвращении его

НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

«Назови человека — и он обернётся. В этом вся власть имени: она не в звуке, а в том, что откликаются».

— из тетради приходского писца



Книга писана для того, кто нарекает,
и для того, кого называют.
Обычаи изложены как обычаи,
притязания — как притязания,
и ничто не выдаётся за силу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧТО ЕСТЬ ИМЯ

I. Что такое имя 2
II. Слово и его происхождение 3
III. Три основания 4
IV. Египет: имя и картуш 5
V. Имя неназываемое 6
VI. По природе или по уговору 7
VII. Русская линия 8
VIII. Чем имя не является 9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НАРЕЧЕНИЕ

IX. Кто нарекает и когда 11
X. Имя родовое и личное 12
XI. Прозвище 13
XII. Мода на имена 14
XIII. Имя и судьба 15
XIV. Перемена имени 16
XV. Имя в чужом языке 17
XVI. Имена вещей и мест 18

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВЛАСТЬ ИМЕНИ

XVII. Знать имя — иметь власть 20
XVIII. Запрет произносить 21
XIX. Тайное и второе имя 22
XX. Проклятие и благословение 23
XXI. Имя в молитве и заклинании 24
XXII. Ярлык: имя как приговор 25
XXIII. Своё имя в чужих устах 26
XXIV. Обращение по имени 27

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ИМЯ И ЧЕЛОВЕК

XXV. Псевдоним 29
XXVI. Имя в ремесле и на сцене 30
XXVII. Безымянность 31
XXVIII. Имя в сети 32
XXIX. Род, фамилия, память 33
XXX. Утрата имени 34
XXXI. Возвращение имени 35
XXXII. Имена умерших 36

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ГРАНИЦА

XXXIII. Чего имя не может 38
XXXIV. Мнимые науки об именах 39
XXXV. Имя и право 40
XXXVI. Ошибиться именем 41
XXXVII. Имя и уважение 42
XXXVIII. Правила нарекающего 43
XXXIX. Правила называющего 44
XL. Заключение: указание и мера 45



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

✳

ЧТО ЕСТЬ ИМЯ

Чем имя было для древних, отчего его берегли и скрывали,
по природе оно или по уговору
и что оно значит на деле

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что такое имя

Именем зовётся слово, которым один предмет отделяется от прочих и по которому его называют, окликают и разыскивают. Определение это скудно и потому верно: имя есть прежде всего *указание*, а не описание.

Из этого следует главное свойство: *имя не обязано быть правдой*. Кузнецов может не ковать, Светлана быть темноволосой, а Тихий — крикуном. Имя указывает на человека, а не сообщает о нём.

И однако имя делает больше, чем указывает. Оно *вносит в перечень*: нарекая, человека помещают в род, в общину, в книгу живущих. Оттого наречение есть обряд, а не запись, о чём сказано в книге о ритуале.

Различим три вещи. *Имя личное* — данное при рождении. *Имя родовое* — полученное от предков. *Прозвище* — данное другими и не спрошенное. Первое человек получает, второе наследует, третье — терпит.

Оттого книга разделена так. Часть вторая — о наречении, прозвищах и перемене имени. Третья — о власти имени, о запретах произносить и о ярлыках. Четвёртая — об имени и человеке: псевдоним, безымянность, утрата и возвращение. Пятая — граница: чего имя не может.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Слово и его происхождение

Слово «имя» — одно из древнейших в языке; оно родственно латинскому *nomen*, греческому *onoma*, немецкому *Name*. Общность эта восходит к глубокой древности, и это само по себе говорит о важности предмета.

От греческого корня — *ономастика*, наука об именах, с её отделами: *антропонимика* — об именах людей, *топонимика* — о названиях мест.

В русском обиходе различают: *имя*, *отчество* и *фамилия*; последнее слово латинское и означало не род, а домочадцев — семью вместе с челядью. У нас оно вошло поздно, при Петре, и укоренилось у простого народа лишь в девятнадцатом веке.

Есть и *псевдоним* — ложное имя, взятое нарочно; *кличка* и *прозвище* — данные другими; *титул* и *звание* — имена по должности.

Заметим для дальнейшего: в русском языке имя человека склоняется, а стало быть, входит в речь как всякое слово. Оттого несклоняемое имя чувствуется чужим — и отсюда бесконечные споры о том, как правильно склонять иноязычные имена и фамилии.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Три основания

✵

Всё дальнейшее стоит на трёх положениях, и они объясняют и обычаи древних, и обиход наших дней.

Первое: указание. Имя нужно, чтобы отличить одного от прочих и позвать. Это его прямое дело, и всё остальное вырастает отсюда.

Второе: принадлежность. Имя вносит человека в перечень: в род, в общину, в веру, в народ. По имени узнают, чей он и откуда, — и оттого перемена имени всегда есть перемена принадлежности.

Третье: отклик. Названный откликается. Своё имя проходит сквозь всякий шум и всякую занятость, о чём сказано в книге о внимании. Здесь и лежит источник всех преданий о власти имени: *назвавший получает отклик, а стало быть, и внимание*.

Из трёх оснований выводится и учение о власти имени, и его опровержение. Власть эта действительна — но действует она на *человека*, а не на вещи: названный отзывается, вспоминает, обижается, повинуется.

Оттого и правило, к коему сведётся вся книга: *имя есть указание и принадлежность, а не описание сути*. Кто ищет в имени сущность, тот приписывает слову то, что делают люди.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Египет: имя и картуш

Ни один народ не разработал учения об имени подробнее египетского, и оттого начнём с него.

Египтяне полагали имя — *рен* — одною из частей человека, наравне с телом, тенью, душою и жизненной силой. Покуда имя произносится, человек существует; изгладить имя — значит уничтожить его окончательно, страшнее, чем разрушить тело.

Отсюда обычай писать имя царя в *картуше* — овальной петле, изображавшей верёвку без начала и конца: она оберегала имя и означала власть над всем, что солнце обходит.

Отсюда же и обратное: *изглаживание имени*. Имена неугодных правителей сбивали с камней; так поступили с Хатшепсут и с Эхнатоном. Это было не порчей памятника, а казнью, приводимой в исполнение над умершим.

Заупокойные надписи просят прохожего: произнеси имя вслух. Поминание было не любезностью, а поддержанием существования.

Заметим, что в существе своём этот обычай жив: мы высекаем имена на надгробиях и на памятниках павшим и читаем их вслух в назначенный день — ровно с тою же мыслью, хотя и не с тем объяснением.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Имя неназываемое

✵

Второе великое учение об имени — учение о запрете произносить, и оно встречается у народов, друг с другом не связанных.

У евреев имя Бога, писанное четырьмя буквами, не произносилось: при чтении заменяли его словом «Господь». Запрет этот держится доныне, и точное произношение утрачено — лучшее свидетельство его строгости.

У римлян тайным было подлинное имя города Рима и его божества-покровителя: полагали, что знающий его может призвать покровителя на свою сторону и тем погубить город.

У многих народов не называли по имени опасного зверя: наше «медведь» есть иносказание — «ведающий мёд», — заменившее исконное имя, ставшее запретным. То же с «гадюкой», с чёртом, с болезнью: их звали описательно, чтобы не накликать.

Запреты в семье. Во многих обычаях невестка не смела называть родню мужа по именам, а вдова — имя покойного; так избегали и опасности, и неучтивости.

Общее правило всех этих обычаев одно: *назвать — значит призвать*. Мысль эта неверна для мира вещей и верна для мира людей: названный является, вспоминается, обижается или отзывается, — о чём глава двадцать третья.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

По природе или по уговору

Спор об этом старше двух с половиной тысяч лет и не решён окончательно; но для нашего дела он вполне ясен.

Платон в «Кратиле» вывел двух собеседников. Один утверждал, что имена даются *по природе*: всякому предмету принадлежит верное имя, отвечающее его сути. Другой — что *по уговору*: имя есть то, о чём условились называющие, и не более.

Сократ в диалоге склоняется то к одному, то к другому, но в итоге замечает решающее: изучать вещи надлежит по самим вещам, а не по их именам.

Наука решила спор в пользу уговора. Связь между звучанием слова и предметом произвольна: одно и то же называется по-разному в разных языках, и ни одно название не «вернее» другого.

Однако не вполне. Замечено, что звучание не совсем безразлично: люди разных языков сходно связывают острые звуки с угловатым, а глухие — с округлым. Но действие это слабо и не даёт имени никакой сущности.

Отсюда правило, которого держится вся книга: *имя условно по происхождению и действительно по употреблению*. Оно не выражает сути — но, будучи дано и принято, начинает работать: по нему зовут, судят и помнят.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Русская линия

У нас именование сложилось в устройство, редкое по стройности и знакомое всякому: *имя, отчество, фамилия*.

Отчество — наша особенность. Оно указывает на отца и потому включает человека в род прямо, а не через прозвище. Употребление его с именем есть высшая мера уважения, и в этом мы отличаемся от прочих европейских народов.

Крестильное и мирское. До семнадцатого века у человека нередко было два имени: данное при крещении по святцам и домашнее, мирское, — Ждан, Первуша, Нечай, Волк. Второе служило и в обиходе, и как оберег, дабы не называть настоящего.

Имена-обереги из той же породы: Некрас, Злоба, Нелюб. Полагали, что дурное имя отведёт беду: злым духам такой ребёнок не приглянется. Отсюда пошло множество нынешних фамилий.

Фамилии сложились поздно и от четырёх корней: от имени отца (Иванов), от прозвища (Кривошеев), от ремесла (Гончаров), от места (Вяземский). Крестьяне получили их окончательно лишь после отмены крепостного права.

Двадцатый век дал волну имён нового строя — составленных из лозунгов и фамилий вождей. Волна эта схлынула за поколение, оставив по себе урок: *имя, привязанное ко времени, стареет вместе с ним*.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Чем имя не является

Отсечём лишнее, ибо на имени наросло больше притязаний, чем на ином ремесле.

Оно не есть описание сути. Имя указывает, а не сообщает; значение его в языке-источнике ничего не говорит о носителе.

Оно не есть судьба. Учения, выводящие нрав и участь из имени, разбираются в главах тринадцатой и тридцать четвёртой; здесь довольно сказать, что подтверждений им нет.

Оно не есть власть над вещами. Знание имени не даёт власти ни над духом, ни над болезнью. Оно даёт власть *над вниманием* названного — и этого немало, о чём часть третья.

Оно не есть собственность в полном смысле. Имя дают другие, употребляют другие, и живёт оно в чужих устах. Оттого его можно потерять, испортить и вернуть — о чём главы тридцатая и тридцать первая.

Что же оно есть? *Указание, принадлежность и отклик.* Три простые вещи, из коих выросли и картуши фараонов, и запреты произносить, и нынешние учётные записи. Всё прочее в этой книге есть подробность к ним.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

✳

НАРЕЧЕНИЕ

Кто даёт имя и когда, откуда берутся прозвища,
отчего имена приходят волнами
и что бывает при перемене имени

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Кто нарекает и когда

Наречение всюду обставлено обрядом, и обряд этот устроен так, как описано в книге о ритуале: отделение, промежуток, включение.

Срок. У многих народов имя давалось не сразу: на восьмой день, на сороковой, по прошествии опасного времени. Причина не в поверье только: при высокой детской смертности наречение было признанием того, что дитя останется.

Кто нарекает. Отец, старший в роду, священник, крёстные, повитуха. Редко — мать; почти никогда — сам носитель. Право дать имя есть право включить в род, и оттого оно принадлежит роду.

По чему выбирают. По святцам — по дню; по деду и бабке — ради продолжения рода; по обстоятельству рождения; по обету; по звучанию; по знаменитому человеку.

Что делает обряд. Он объявляет имя *при свидетелях*, и с этой минуты оно общее знание: ребёнка так зовут все. Наречение есть образец того слова, которое совершает, о чём в книге о ритуале.

Оттого и нынешняя запись в книге актов, при всей сухости, есть обряд: без неё имя остаётся домашним и не имеет силы вне дома.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Имя родовое и личное

Всякое устройство имён решает одну задачу: как отличить человека и как указать, чей он.

Одноимённость годится для малой общины: имя да прозвище. При росте селения этого недостаёт: являются добавления — по отцу, по месту, по ремеслу.

У римлян сложилось троеимённое устройство: личное имя, родовое и прозвание ветви. Оттуда пошла и наша привычка к трём частям, хотя пути были разные.

У нас — имя, отчество, фамилия; в Исландии доныне обходятся именем и отчеством без фамилий; у арабов имя разворачивается в цепочку предков; в Испании берут фамилии обоих родителей.

Женское имя почти всюду несёт след принадлежности: у нас — фамилия мужа или отца, у иных народов — особые окончания. Отсюда и нынешние споры о сохранении своей фамилии в браке.

Общее же наблюдение таково: *чем больше общество, тем длиннее имя*. Там, где всех знают в лицо, довольно прозвища; в государстве требуется различение, доводимое до номера, о чём в главе тридцатой.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Прозвище

Прозвище есть имя, которого не давали и не просили: его даёт общество, и в этом вся его особенность.

Откуда берётся. От наружности, от ремесла, от случая, от оговорки, от места. Оно всегда указывает на что-то *замеченное другими* — и потому говорит о говорящих не менее, чем о носителе.

Отчего живуче. Оно кратко, зримо и связано с образом — то есть устроено ровно так, как устроены хорошие подсказки памяти, о чём в книге об искусстве памяти. Оттого прозвище помнится, когда имя забыто.

Два рода. Прозвище *принятое* — знак принадлежности к своим: в артели, в отряде, в дружеском кругу оно есть признак включения. Прозвище *навязанное* — орудие насмешки и власти; оно отделяет и унижает.

Различить их просто: спросить, называют *ли* им человека *при нём* и откликается *ли* он охотно.

И заметим о детях: прозвище, прилипшее в школе, действует как определение из книги о внушении — человек начинает жить сообразно ему. Оттого взрослому не следует подхватывать детских прозвищ, даже забавных.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Мода на имена

Имена приходят и уходят волнами, и волны эти правильны настолько, что их можно предсказывать.

Ход волны. Имя редкое подхватывается немногими; распространяется; делается частым; ощущается затасканным; выходит из моды и лежит забытым два-три поколения; затем возвращается как «старинное и красивое».

Оттого имена наших прабабушек — Варвара, Мирон, Ефим — ныне вновь входят в обиход, а самые частые имена нашего детства кажутся принадлежащими определённому возрасту.

Что движет волной. Не указ и не проповедь, а подражание: имена перенимают у соседей, у известных людей, у героев книг и зрелищ. Здесь действует то же, что описано в книге о внушении: *так делают другие*.

Замечено и обратное. Едва имя делается слишком частым, привлекательность его падает: родители ищут различения. Так мода сама себя ограничивает.

Отсюда совет нарекающим, единственный, какой можно дать честно: *выбирая редкое, помните, что через десять лет оно может стать самым обыкновенным*. Не выбирайте имя ради необычности — необычность проходит, а имя остаётся.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Имя и судьба

Верование, что имя правит участью, есть древнейшее и всё ещё живое. Разберём его честно.

Что говорят. Будто имя определяет нрав; будто *люди* выбирают занятия, созвучные имени; будто «как назовёшь, так и поплывёт».

Что проверялось. Была высказана мысль о том, что *люди* тянутся к делам, созвучным их имени. Приводились забавные примеры — зубной врач по фамилии Зубов и подобные. Позднейшие разборы показали, что действие это *либо* ничтожно, *либо* целиком объясняется тем, что примеры собирали по совпадениям, а несовпадения не считали, — ошибка, разобранная в книге об ошибках рассуждения.

Что действительно наблюдается. Не имя правит судьбой, а *отношение к имени*. Носители имён, кажущихся в данном обществе чужими или смешными, чаще получают отказ при найме — и это измерено. Здесь работает предубеждение называющих, а не сила имени.

И то же с прозвищем и с определением: человек, которому годами говорят «ты у нас неспособный», научается быть таким, о чём сказано в книге о внушении.

Итог: *имя не несёт судьбы; судьбу несут люди, которые по нему судят*. Оттого и выбирать его следует, думая не о звёздах, а о том, как с ним будет житься среди людей.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Перемена имени

Перемена имени всюду означает перемену состояния: она есть третья часть обряда перехода — объявление о новом положении.

Где встречается. При постриге в монашество: прежнее имя оставляется вместе с прежней жизнью. При венчании на царство. При принятии новой веры. При вступлении в брак — у нас через фамилию. При посвящении в тайное общество. При принятии в ремесло.

Отчего это работает. Новое имя объявляет всем, что человек стал иным, и заставляет обращаться с ним по-новому. Внутренняя перемена подкрепляется внешним обращением — и круг замыкается.

Перемена по своей воле. Ныне она возможна и не редка: меняют неблагозвучное, чужое, тяжёлое по памяти — имя обидчика, отца, оставившего семью. Это законно и часто целительно.

Чего перемена не делает. Она не отменяет прошлого и не делает человека другим. Обычная ошибка — ждать от нового имени новой жизни; имя лишь объявляет перемену, но не производит её.

И правило для окружающих, о коем подробнее в главе тридцать седьмой: *называть человека тем именем, которое он назвал*. Настаивать на прежнем — значит отказывать в признании перемены.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Имя в чужом языке

Имя, перешедшее в чужой язык, всегда искажается, и искажение это неизбежно: чужие звуки заменяются своими.

Два способа переноса. *По звучанию* — передают, как слышится. *По написанию* — передают буква за буквой. Оттого одно и то же имя приходит в язык дважды и живёт двумя видами.

Одно имя — много обликов. Иоанн, Иван, Жан, Джон, Хуан, Юхан, Янош — всё это одно древнее имя, разошедшееся по языкам. То же с Иаковом, с Марией, с Георгием — последнее дало у нас и Юрия, и Егора.

Ошибки переноса живут веками: имена, прочитанные не по тому языку; фамилии, записанные на слух писарем; переселенцы, чьи имена переиначили при въезде.

Что из этого следует. Спорить о «единственно верном» написании чужого имени бесполезно: верного нет. Есть *принятое* и есть *предпочитаемое самим носителем*, и второе важнее первого.

И правило учтивости: *спросить, как человек произносит своё имя, и повторить за ним*. Ошибиться позволительно; не спросить — невежливо.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Имена вещей и мест

Именуют не одних людей: корабли, дома, оружие, животных, города и улицы. Правила здесь те же, а следствия виднее.

Названия мест оседают слоями, как земля: под нынешним лежит прежнее, под ним ещё более древнее. По ним читают историю заселения — какой народ здесь жил, чем занимался, что почитал. Топонимика оттого и сделалась наукою.

Переименование мест есть всегда действие власти: новое имя объявляет, чья теперь земля и чья память. Оттого при всякой перемене строя первым делом переименовывают улицы — и оттого же старые имена так упрямо держатся в устах жителей.

Имена вещей. Корабль без имени не выходит в море; колокол, меч и пушка получали имена; дом и усадьба тоже. Названная вещь перестаёт быть вещью вообще и делается *этой* вещью, о которой заботятся.

Имя животного — из той же породы: кличка обращает животное из поголовья в существо. Оттого тем, кто выращивает скот на убой, не советуют давать имён — и это правило говорит о силе именования больше всяких рассуждений.

Отсюда общее: *назвать — значит выделить из ряда и принять на себя отношение*. Это одинаково верно для ребёнка, для корабля и для улицы.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

✳

ВЛАСТЬ ИМЕНИ

Древнее учение о власти знающего имя,
запреты, тайные имена и проклятия —
и то, чем эта власть оказывается на деле

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Знать имя — иметь власть

✵

Положение это встречается у всех народов и в одинаковой форме: *кто знает подлинное имя, тот имеет власть над носителем*.

В египетском предании Исида выведывает у стареющего Ра его тайное имя и тем получает силу над ним. В сказках Европы карлик теряет власть над роженицей, едва она угадывает его имя. Заклинатели духов начинают с того, что называют имя вызываемого.

Отчего верование это столь всеобще. Оттого, что оно опирается на верное наблюдение, объяснённое неверно. Наблюдение: *названный откликается*. Объяснение: значит, имя есть часть его существа, и через часть можно управлять целым.

Что здесь верно. Знание имени и вправду даёт власть — но не колдовскую, а земную: назвав, вы завладеваете вниманием; зная имя, вы находите человека в списках, в бумагах, в сети; имея имя, вы можете говорить о нём с другими, обвинять и хвалить.

Что неверно. Ни на вещи, ни на болезнь, ни на дух имя не действует. Все свидетельства о таком действии происходят из области, разобранной в книге о внушении: действует ожидание того, над кем произносят.

Отсюда и точная мера: *власть имени есть власть над вниманием и над положением человека среди людей*. Этого довольно, чтобы объяснить и древние запреты, и нынешние заботы о сохранности своего имени.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Запрет произносить

Из учения о власти имени прямо вытекают запреты, о коих сказано в главе пятой; здесь разберём их устройство.

Три рода запретов. *По святости*: имя божества не произносится всуе. *По опасности*: имя зверя, болезни, беса заменяется описанием. *По учтивости*: старших, покойных, свойственников не называют прямо.

Что делают взамен. Иносказание («хозяин леса»), описание («тот, кого нельзя называть»), титул («Господь», «государь»), молчание.

Замечательное свойство таких замен: они сами делаются запретными и требуют новой замены. Так исконное имя медведя было забыто вовсе, а заменившее его слово со временем тоже стали избегать в лесу.

Что осталось ныне. Немало. Не поминают чёрта на ночь; избегают называть тяжёлую болезнь по имени, говоря «это»; не произносят имени умершего в первые дни; не зовут по имени начальника за глаза.

И заметим наблюдение, годное всякому: *отказ называть предмет по имени есть признак страха перед ним*. Оттого называние вслух того, чего боишься, есть первый шаг к тому, чтобы им заняться, — и на этом стоит половина врачебных бесед.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Тайное и второе имя

Из запретов рождается устройство двух имён: одно для обихода, другое — настоящее и оберегаемое.

У египтян различали «доброе имя» для употребления и «великое имя», скрываемое. **У нас** — крестильное и мирское, о чём в главе седьмой. **У многих народов** ребёнку давалось потаённое имя, известное лишь родителям и знахарю.

Зачем. Полагали, что порча наводится по имени; не зная настоящего, недоброжелатель бессилен. Иначе говоря, тайное имя есть *оберег устройства*: оно вводит подмену там, где ждут подлинника.

Второе имя как знак перехода. Монашеское, воинское, тайное имя братства, имя в ремесле — всё это объявляет о новом положении и отделяет от прежнего, о чём в книге о ритуале.

Нынешние потомки обычая. Учётное имя, известное службе, и видимое имя, известное всем; настоящее имя и то, которым представляются в чужом городе; домашнее прозвище, известное лишь своим.

Отсюда наблюдение, полезное и в наше время: *иметь имя для своих и имя для всех — не обман, а обыкновенное устройство*. Обман начинается там, где вторым именем пользуются, чтобы уйти от ответственности.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Проклятие и благословение

✵

В сюду, где верили в силу имени, оно употреблялось для двух противоположных дел — ради вреда и ради блага.

Проклятие. Имя писали на черепке или на свинцовой табличке и разбивали, топили, погребали; так делали в Греции и в Риме — таблички эти находят сотнями. Имя изглаживали с памятников, о чём в главе четвёртой. Имя вычёркивали из поминания.

Благословение. Имя вносили в поминальные списки; писали на храмовых стенах; давали имя в честь святого, дабы тот покровительствовал; нарекали в честь предка, дабы род продолжался.

Общее в обоих. И то и другое суть действия *с записью имени*, а не с человеком. Полагали, что имя есть часть носителя и что сделанное с записью делается с ним.

Что действует на деле. Действует на того, кто *знает*: узнавший о проклятии тревожится, ждёт беды и находит её признаки. Это и есть ноцебо из книги о внушении, и оттого проклятие всегда старались довести до сведения проклинаемого.

Отсюда правило, важное и в наши дни: *дурное слово об имени действует ровно настолько, насколько его услышали*. Оттого молва об имени и опаснее проклятия — о чём глава двадцать вторая.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Имя в молитве и заклинании

✵

В обрядах имя занимает особое место: с него начинают и им скрепляют.

Именем призывают. Обращение к божеству начинается с имени и с перечня прозваний; заклинание духа — с называния его по имени. Полагалось: неназванный не откликается, а названный обязан.

Именем действуют. «Именем закона», «во имя», «именем государя» — действие совершается не своею властью, а *заимствованной*: называющий ссылается на того, чьё имя произносит.

Имя просимого. В молитве о здравии и об упокоении называют имена поимённо; список этот и есть предмет обряда. Здесь имя работает как *указание* в чистом виде: без него неизвестно, о ком речь.

Отчего это устойчиво. Оттого что имя есть кратчайший способ сделать общее внимание собравшихся направленным на одного. Об этом — в книге о ритуале, в главе о свидетелях.

И трезвая оговорка: *произнесение имени не действует на названного, если он о том не знает*. Всё, что происходит при таком обряде, происходит с произносящими: они сосредоточиваются, вспоминают, обязываются. Этого немало — но это иное, чем полагали.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Ярлык: имя как приговор

✵

Есть род именования, действующий вернее заклинаний: назвать человека или дело словом, после которого разбирать уже нечего.

Об этом сказано в книге об ошибках рассуждения: *назвав мнение вредным, спорить с ним не нужно*. Ярлык заменяет довод и потому дёшев и ходов.

Как это работает. Имя навязывает разряд: услышав слово, человек достаёт из памяти всё, что связано с этим разрядом, и прикладывает к названному. Дальнейшее рассуждение идёт уже об имени, а не о деле.

Где встречается. В споре и в брани; в объявлениях и в приговорах; в школе, где ребёнка называют лентяем; в больнице, где человека называют по болезни — «диабетик», «эпилептик», — отчего он делается для окружающих случаем, а не человеком.

Средство против. То же, что и в книге об ошибках: *перевести на описание*. Не «лентяй», а «эта работа не сделана»; не «сумасшедший», а «человек с таким-то расстройством».

И правило для говорящего: *называй поступок, а не человека*. Имя, данное человеку, прилипает и начинает работать как внушение — а поступок остаётся поступком, который можно исправить.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Своё имя в чужих устах

Здесь та единственная власть имени, которая доказана и измерена.

В опытах с двумя голосами, описанных в книге о внимании, слушающий не помнил ничего из того, что говорилось в неотслеживаемое ухо, — но около трети слышали *своё имя*, произнесённое там. Явление это назвали случаем званого вечера.

Иначе говоря, собственное имя проходит сквозь заслон внимания, когда прочее задерживается. Оно и есть тот единственный звук, на который человек отзывается, будучи занят другим.

Отсюда все следствия. Оклик по имени останавливает вернее крика. Обращение по имени в письме и в объявлении задерживает взгляд. Имя в заголовке заставляет читать. Торговля знает это и пользуется.

Отсюда же и приятность. Услышать своё имя от того, кто его запомнил, — малая радость, известная всякому; и она же есть простейшее средство расположить к себе. О приёмах памяти на имена — в книге об искусстве памяти.

И оттого же *непроизнесение* имени ранит: человек, которого не называют по имени — «эй», «слушай», «женщина», — чувствует себя неузнанным, хотя бы и не мог этого объяснить.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Обращение по имени

✵

Из предыдущей главы следует и приём, и злоупотребление им; разберём оба.

Законное употребление. Назвать человека по имени при встрече и при прощании; употребить имя, обращаясь к нему в собрании; запомнить имя с первого раза. Всё это есть знак того, что человек *узнан*, — и знак недорогой, но весомый.

Мера в русском обиходе. У нас имя-отчество означает уважение, одно имя — близость или разницу в положении. Ошибка здесь чувствительна: назвать старшего одним именем — фамильярность; называть по отчеству ровесника — отдаление.

Спросить, как называть. Правило, избавляющее от обеих ошибок и почти не употребляемое: «Как мне вас называть?» — и держаться названного.

Злоупотребление. Торгующий, повторяющий ваше имя через фразу, пользуется приёмом из книги о внушении: обращённое лично проходит без проверки. Приём этот узнаваем и оттого раздражает, едва замечен.

И худшее: имя, употреблённое, чтобы дать понять, что о вас всё известно. Это не обращение, а показ власти, и таковым и воспринимается.

Правило же простое: *называй, чтобы узнать, а не чтобы взять*.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

✳

ИМЯ И ЧЕЛОВЕК

Псевдоним и безымянность, имя в сети и в роду,
утрата имени и возвращение его,
и поминание тех, кого уже нет

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Псевдоним

Псевдоним есть имя, взятое нарочно; и берут его по причинам, которые стоит различать.

Ради защиты. Чтобы писать то, за что можно поплатиться; чтобы говорить, не подвергая семью; чтобы уйти от преследования. Это древнейшая и самая законная причина.

Ради отделения. Чтобы отделить писателя от служащего, ремесло от домашней жизни. Врач, пишущий стихи, берёт иное имя не из стыда, а ради разделения занятий.

Ради звучания. Имя неудобное, длинное, смешное или уже занятое известным человеком. Здесь псевдоним есть орудие ремесла, о чём в главе следующей.

Ради опыта. Известный писатель, издающий книгу под чужим именем, чтобы проверить, примут ли её без его славы. Такие опыты ставились и давали отрезвляющий ответ.

Где начинается обман. Не в самом псевдониме, а в двух вещах: когда под чужим именем *уходят от ответственности* за сказанное и когда изображают многих людей, будучи одним, — чтобы создать видимость согласия. Первое — трусость, второе — подлог.

Правило же простое: *псевдоним скрывает лицо, но не снимает обязанностей*. Написанное под ним связывает не меньше написанного под своим именем.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Имя в ремесле и на сцене

✵

Там, где имя есть часть работы, оно перестаёт быть личным делом и делается орудием.

Сценическое имя. Артисту нужно имя, которое запоминается, произносится без ошибки и не путается с чужим. Оттого их выбирают, а не наследуют, и оттого же смена имени в начале пути обычна.

Имя как знак ремесла. Ювелирное клеймо, знак печатника, подпись мастера на изделии — имя, ручающееся за качество. Отсюда прямая дорога к нынешнему товарному знаку, о чём в главе тридцать пятой.

Что имя накапливает. Со временем оно собирает на себя сделанное: имя врача, к которому идут; имя мастера, чью работу берут не глядя. Это и есть *доброе имя* — величина, наживаемая годами и теряемая в день.

Оттого и осторожность. Поставить своё имя под чужой работой, под сомнительным делом, под товаром, которого не проверял, — значит потратить накопленное. Вес источника, о коем сказано в книге о внушении, есть заём у слушателя, а не собственность.

И правило ремесленника: *имя ставят там, где готовы отвечать*. Всё прочее делается без имени — или не делается вовсе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Безымянность

Отсутствие имени есть особое состояние, и оно имеет две стороны — освобождающую и опасную.

Что даёт безымянность. Возможность сказать то, чего не сказать под своим именем: свидетельство о злоупотреблении, жалоба, обращение за помощью в стыдном деле, честный отзыв о начальнике. Оттого тайное голосование и оттого же ящик для доносов — устройства древние и оба обоюдоострые.

Что она отнимает. Ответственность. Сказанное без имени ничем не обеспечено: за него нельзя спросить, и оттого ему верят меньше — и правильно делают.

Что она делает с говорящим. Замечено давно: человек, скрытый в толпе или под чужим именем, ведёт себя развязнее и жёстче. Здесь работает то же, что описано в книге о внушении о толпе: ответственность разделена и потому не чувствуется никем.

Мера, к которой пришли. Безымянность защищают там, где она защищает слабого от сильного, — свидетеля, больного, жалующегося. И не защищают там, где она служит для нападения на слабого.

Правило же для пишущего без имени: *пиши так, чтобы не стыдно было подписаться*. Это единственная проверка, работающая изнутри.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Имя в сети

В нашем веке у человека явилось третье имя — учётное: то, под которым его знают приборы.

Устройство. Оно должно быть *единственным* в своей области — двух одинаковых не бывает, — и оттого обрастает цифрами. Оно даётся не родителями, а службой, и часто выбирается впопыхах и остаётся на годы.

Что оно накапливает. Всё, сделанное под ним: сказанное, купленное, отмеченное. Это и есть новое доброе или дурное имя — и, в отличие от прежнего, оно *хранится дословно* и находится поиском.

След. Сказанное под своим именем не забывается по прошествии времени, как забывалась молва; оно лежит и находится. Отсюда и явление, прежде невозможное: юношеская глупость, предъявленная человеку через двадцать лет.

Захват имени. Чужое имя может быть занято или подделано; от чьего-то имени пишут, просят денег, объявляют. Средство здесь одно и оно из книги о тайнописи: *подтверждение вторым способом* и осторожность с тем, что приходит будто бы от знакомых.

И правило, простое и запоздалое для многих: *под своим именем говори то, за что готов отвечать через десять лет*. Прочее говори иначе, помня главу двадцать седьмую.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Род, фамилия, память

Родовое имя есть нить, связывающая живущих с бывшими, и в этом его назначение.

Что оно несёт. Указание на предка, на место, на ремесло — о чём в главе седьмой. По фамилии читают историю семьи, как по названию места читают историю заселения.

Наречение в честь предка. Обычай называть внука именем деда есть способ продолжить имя в роду; у иных народов при этом полагали, что возвращается и сам предок, у иных — просто чтили память.

Родословная есть перечень имён, и составление её — занятие, растущее в наши дни. Причина проста: имя предка, найденное в записи, обращает отвлечённое прошлое в своё.

Утрата родовой памяти. Войны, переселения, перемены имён при въезде в чужую страну, детдома — всё это рвёт нить. Отсюда и сила, с которой люди ищут утраченные имена: ищут не сведения, а принадлежность.

И заметим о выборе фамилии при браке: спор здесь идёт не об удобстве, а о принадлежности, и оттого он так горяч. Разумного общего решения нет; есть уговор двоих, который стоит проговорить прежде, а не после.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Утрата имени

Есть устройства, в которых имя отнимают нарочно, — и это одно из тяжелейших действий, какие можно совершить с человеком.

Номер вместо имени. В тюрьмах и лагерях, в казармах, в иных больницах человека называют по номеру, по койке, по статье. Смысл этого известен: обезличенным легче распоряжаться, и обходиться с ним дурно — тоже легче.

Отнятие имени как наказание. Изглаживание имён, о коем в главе четвёртой; вычёркивание из списков; запрет упоминать. Способ этот употреблялся всеми властями и во все века.

Утрата без умысла. Переселенец, чьё имя переиначили; сирота, записанный по имени приюта; человек, потерявший бумаги. Всё это выбивает из перечня и оставляет вне общества.

Что при этом теряется. Не звук, а *принадлежность и признание*: человека не зовут, о нём не говорят, его не разыскивают. Он делается случаем, а не лицом.

Отсюда правило, годное всякому, кто имеет дело с людьми по должности: *называй по имени*. Врач, надзиратель, начальник, учитель, называющий человека по имени, делает малое действие с большим следствием — и стоит оно ничего.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Возвращение имени

✵

Обратное действие столь же сильно: назвать по имени того, кто был обезличен, есть способ вернуть его в перечень живущих.

Восстановление честного имени. Оправдание, отмена приговора, снятие клеветы. Существенно, что делается это *публично*: тайное оправдание не возвращает имени, ибо имя живёт в чужих устах.

Поимённое поминание. Чтение имён погибших вслух — обычай, распространившийся в наш век и действующий сильнее всякого памятника. Он обращает число в *людей*: тысяча — отвлечённость, а тысяча имён — тысяча человек.

Возвращение прежних названий местам, восстановление родословных, поиск имён в архивах — работа, идущая ныне повсеместно. Она не воскрешает, но возвращает утраченное в общую память.

Личное возвращение. Человек, переменивший имя не по своей воле — при усыновлении, при переезде, под давлением, — вправе вернуть прежнее; и это тоже обряд перехода, о чём в книге о ритуале.

И правило, вытекающее отсюда: *произнести имя вслух и правильно есть дело, а не любезность*. В этом и состоит всё, что человек может сделать для имени другого.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Имена умерших

✵

Отношение к имени умершего есть, быть может, самая устойчивая часть всего учения об имени.

Два противоположных обычая. Одни народы имя покойного *не произносят* вовсе — год, срок или навсегда, — дабы не тревожить его и себя. Другие, напротив, *называют неустанно*: поминают, читают списки, дают имя новорождённым в честь умерших.

За обоими стоит одна мысль: имя связывает с умершим. Разница лишь в том, желают ли этой связи или боятся её.

Наша традиция держится второго: поминание поимённо, синодики, надписи на надгробиях, поминальные дни. И присловье, вошедшее в обиход, говорит то же: *человек жив, покуда его помнят*.

Что здесь верно без всякой мистики. Умерший продолжает существовать в разговорах, в решениях, в привычках оставшихся. Произнесение имени поддерживает эту память, а молчание — гасит.

Оттого и совет, полезный горюющим: *называйте умершего по имени и рассказывайте о нём*. Обычай замалчивать, дабы не тревожить близких, обыкновенно тяготит их сильнее, чем самый разговор.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

✳

ГРАНИЦА

Чего имя не может, что продают под видом науки о нём,
как оно защищено правом
и какими правилами связаны нарекающий и называющий

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Чего имя не может

✵

Соберём пределы, дабы не приписывать слову того, что делают люди.

Оно не определяет нрава и участи. Проверок, подтверждающих это, нет; всё, что наблюдается, объясняется отношением называющих, о чём в главе тринадцатой.

Оно не даёт власти над вещами. Ни над болезнью, ни над духом, ни над погодой. Власть его — над вниманием названного и над его положением среди людей.

Оно не описывает сути. Значение имени в языке-источнике не говорит о носителе ничего.

Оно не заменяет дела. Переименование учреждения не меняет его работы; новое имя человека не делает его другим; красивое название не улучшает товара.

И оно не принадлежит носителю целиком. Имя живёт в чужих устах: его дают, употребляют и помнят другие. Оттого его можно испортить чужой молвою и вернуть только чужим же признанием.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Мнимые науки об именах

На вере в силу имени выросла торговля, и разбор её полезен, чтобы не тратиться зря.

Значение имени. Книжки, где всякому имени приписан нрав: «Александры решительны, Ольги упрямы». Устроены они точь-в-точь как утверждения Форера из книги о ментализме: описания двойственны, лестны и подходят всякому.

Счёт букв. Учения, обращающие имя в число и выводящие из числа судьбу. Основание произвольно: числовые значения букв разнятся от книги к книге, а перевод имени в чужой язык меняет счёт целиком.

Подбор имени по звёздам и по слогам — из той же породы; проверок нет, а расхождения между школами таковы, что одна отменяет другую.

Смена имени «для удачи» за плату. Здесь дурно не само переименование — оно бывает и полезным, о чём в главе четырнадцатой, — а обещание, что оно переменит жизнь.

Мерило то же, что и во всех книгах собрания: *что именно утверждается, как это проверялось и считали ли неудачи*. Три вопроса отсекают всю эту торговлю разом.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Имя и право

То, что древние охраняли запретами, ныне охраняется законом; устройство защиты стоит знать.

Право на имя. Человек вправе носить своё имя, переменить его по установленному порядку и требовать, чтобы его не употребляли другие во вред ему.

Употребление чужого имени. Выступать от чужого имени, подписываться им, объявлять от его лица — действия, наказуемые; сюда же относится и захват имени в сети, о чём в главе двадцать восьмой.

Доброе имя защищается отдельно: клевета и распространение порочащих сведений подлежат опровержению. Существенно, что опровержение требуется *тем же способом*, каким была распространена клевета: тайное извинение не восстанавливает имени.

Имя в торговле. Товарный знак есть имя изделия, и охраняется он строже человеческого: за ним стоят деньги. Отсюда и обычные тяжбы о сходстве названий.

Ограничения на наречение. Во многих странах запрещено давать детям имена, состоящие из цифр, брани или чрезмерно длинные. Ограничение это разумно: имя даётся не для забавы нарекающего, а для жизни носителя.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Ошибиться именем

Ошибка в имени задевает сильнее, чем можно ожидать, и стоит понять, отчего.

Причина в том, что имя есть знак *узнавания*. Назвавший неверно объявляет, что не запомнил; а не запомнил — значит, не счёл важным. Обида здесь не на звук, а на невнимание.

Особенно чувствительны: перевирание непривычного имени — «всё равно не выговорю»; называние прежним именем после перемены; называние по фамилии там, где принято по имени, и наоборот; сокращение имени без спроса.

Что делать, ошибившись. Извиниться коротко, произнести верно и продолжить. Долгие оправдания и смех превращают мелочь в происшествие.

Что делать, если ошибаются с вами. Поправить сразу, спокойно и без укора: «Меня зовут так-то». Не поправивший в первый раз обречён быть называемым неверно годами.

И правило для того, кто имеет дело со многими: *записывать имена*. Приёмы запоминания изложены в книге об искусстве памяти; здесь довольно сказать, что записать не стыдно, а забыть — обидно для другого.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Имя и уважение

Соберём в одну главу то, что касается обхождения с чужим именем; правила эти просты и повсеместно нарушаются.

> Называй человека тем именем,
> каким он назвался, и так, как он его произносит.
> Прочее — подробности учтивости.

Спрашивай, как называть, и держись сказанного. Это избавляет и от фамильярности, и от отдаления.

Не сокращай без позволения и не придумывай прозвищ старшим и незнакомым.

Произноси чужое имя старательно. Просить повторить не стыдно; отговорка «не выговорю» есть отказ трудиться ради другого.

Принимай перемену имени — при браке, при постриге, при иной причине. Настаивать на прежнем значит отказывать в признании.

Не называй человека по разряду вместо имени: не «больной», не «клиент», не «объект». Об этом — главы двадцать вторая и тридцатая.

И не поминай имени всуе: не пересказывай чужого имени в дурной молве, если не готов повторить это при нём.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Правила нарекающего

Тому, кто даёт имя — ребёнку, делу, месту, животному, — полезны немногие правила, выведенные из всей книги.

Помни, чьё это имя. Носить его будет не ты. Оттого выбирают не самое любопытное, а самое пригодное к жизни.

Проверь на обиход. Как оно звучит с отчеством и фамилией; как сократится; во что превратят его дети; как выговорится в чужом языке; не даёт ли смешных сочетаний первых букв.

Помни о волне. Редкое сегодня может стать самым частым через десять лет; имя, привязанное ко времени, стареет вместе с ним, о чём в главах седьмой и двенадцатой.

Не грузи именем. Имя великого предка или героя есть и честь, и тяжесть; давая его, дают и ожидание.

Объяви при свидетелях. Наречение есть обряд: оно совершается вслух и перед теми, кто будет так называть.

И не жди от имени чудес. Оно не даст ни нрава, ни удачи. Оно даст указание, принадлежность и отклик — то есть ровно то, ради чего имена и существуют.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Правила называющего

И правила для того, кто пользуется чужими именами, — то есть для всякого всякий день.

Запоминай имена. Не ради приёма, а ради того, что человек, названный по имени, узнан. Приёмы — в книге об искусстве памяти: услышать, повторить, связать с образом, повторить через день.

Называй в глаза чаще, чем за глаза.

Не пользуйся именем как отмычкой. Повторение имени через фразу есть приём торговца, и он узнаваем.

Не вешай ярлыков. Называй поступок, а не человека, — правило из книги об ошибках рассуждения и из книги о внушении.

Береги чужое доброе имя так же, как своё: пересказанная молва живёт дольше опровержения, а найденное в сети не забывается вовсе.

И произноси имена умерших. Это единственное, что мы ещё можем для них сделать, — и, как показывает опыт, это помогает живым.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Заключение: указание и мера

✳

Сведём книгу к тому немногому, что стоит держать в памяти без справок.

Имя есть *указание*, *принадлежность* и *отклик*. Оно не описывает сути, не несёт судьбы и не даёт власти над вещами. Всё, что ему приписывали, происходит из третьего свойства: названный отзывается.

Оттого власть имени действительна, но земная: *оно распоряжается вниманием и положением человека среди людей*. Знающий это объяснит и картуши фараонов, и запрет произносить, и нынешние заботы о своём имени в сети.

Имя не вполне принадлежит носителю: оно живёт в чужих устах. Его дают другие, употребляют другие, помнят другие. Оттого его можно испортить молвою, отнять номером и вернуть публичным признанием.

Наречение есть обряд, а не запись: оно объявляет при свидетелях и вносит человека в перечень живущих. И перемена имени есть обряд перехода, объявляющий о новом положении.

И последнее, ради чего написана книга. *Назвать человека по имени — дешевле всего и весит больше всего*: этим он узнан. Всё прочее — подробности к этому.

✳

ИМЯ

Наречение, власть и мера

Изложение в сорока главах

O.V.K — X.T.R

Набрано и свёрстано
для настольного издания
формата 148 × 210 мм